

УДК 94(476)

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-75-83

Оригинальное исследование

Полонизация белорусских воеводств Второй Польской республики с помощью вооруженных сил в 1930-е гг.

Тихонович О.В.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, 392024, г. Тамбов, ул. Н. Вирты, 201
E-mail: tikhonovich.oleg@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль польских вооруженных формирований, которые политическое руководство межвоенной Польши активно задействовало в 30-е гг. XX в. с целью успешного проведения полонизаторской политики по ассимилированию белорусского национального меньшинства в северо-восточных областях страны. Использование армейских формирований на территории белорусских воеводств являлось составной частью «санационной» политики Ю. Пилсудского, правительство которого стремилось заселить Восточные земли страны представителями польской нации. Реализация такой национальной политики «санационного» правительства встречала активное сопротивление со стороны крестьянских и городских жителей белорусских воеводств, которые активно выступали против колониционных методов польской администрации. В статье делается вывод о том, что военно-политические круги Второй Польской республики рассматривали вооруженные формирования в качестве руководящей силы по ликвидации национального самосознания белорусского этнического меньшинства.

Ключевые слова: Вторая Польская Республика, полонизация, вооруженные силы, белорусские воеводства, Восточные земли, санация

Для цитирования: Тихонович О.В. 2023. Полонизация белорусских воеводств Второй Польской республики с помощью вооруженных сил в 1930-е гг. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 75–83. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-75-83

Polonization of the Belarusian Voivodeships of the Second Polish Republic with the Help of the Armed Forces in the 1930s

Oleg V. Tikhonovich

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
201 N. Virty St., Tambov 392024, Russia
E-mail: tikhonovich.oleg@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the role of the armed forces of the Second Polish Republic in the 1930s, which the military leadership of J. Pilsudski actively used to carry out the policy of Polonization of the Belarusian voivodeships. In the article, the author examines the repressive actions of the Polish army against the Belarusian national minority, represented in the northeastern lands of the Polish Republic by the peasant population, who did not want to accept the national-cultural policy "Sanation". The military-political government of the country considered the Polish armed formations as a reliable means of planting Polish spiritual and cultural values in order to break historical ties with Russian civilization. The Polish central and local authorities resorted to the services of the armed forces in order to use violence to deprive Belarusians of the opportunity to use their native language in communication, open national schools, acquire land, and also express their opinion and dissatisfaction. The article concludes that the armed forces of the Second Polish Republic were sent to the Belarusian voivodeships to carry out punitive expeditions to destroy the national identity of non-Polish people.

Keywords: Second Polish Republic, polonization, armed forces, Belarusian voivodeships, Eastern lands, sanation

For citation: Tikhonovich O.V. 2023. Polonization of the Belarusian Voivodeships of the Second Polish Republic with the Help of the Armed Forces in the 1930s. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 75–83 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-75-83

Введение

Первая мировая война 1914–1918 гг. вывела на политическую карту Центрально-Восточной Европы ряд новых государств, которые образовались за счет распада трех империй – Российской, Германской и Австро-Венгерской. В числе таких новых стран особенно выделялась Вторая Польская республика (II Речь Посполитая), получившая 11 ноября 1918 г. свою независимость, которая была потеряна в результате так называемых Трех разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII столетия. Важно при этом отметить, что государственные границы Польской республики в межвоенное время замыкались не на исконных землях польской нации, что было определено лидерами Антанты на Парижской мирной конференции в 1919 г. путем установления так называемой «линии Керзона» [Акулин, 2017; Жеймо, 2018; Jędrzejewska, 2020], а территориальные претензии польских руководителей уходили далеко на Восток, вплоть до Смоленской земли. Такие хищнические аппетиты молодой Польской республики обосновывались с помощью теоретических концепций и националистических лозунгов, среди которых популярностью пользовался «Od morza do morza» (пер. с польск. – «От моря до моря»), означающий возрождение границ польской государственности от Балтийского до Черного морей. И политическое руководство Второй Польской республики в 1919 г., представленное приближенными Юзефа Пилсудского, развязало военные действия против молодой Советской России с целью присоединения литовских, белорусских и украинских территорий.

В результате польско-советской войны 1919–1921 гг. был заключен Рижский мирный договор, по которому Вторая Польская республика, представленная на высшем уровне польскими националистическими лицами, приобретала значительную часть белорусских и украинских территорий: так называемые земли Западной Белоруссии и Западной Украины, которые не являлись этническими для поляков. И на протяжении 20-х гг. буржуазно-демократические круги II Речи Посполитой в отношении жителей этих территорий наметили колонизационные методы социально-экономического и культурного порабощения. Данная внутринациональная политика Польской республики получила название полонизации [Кретинин, 2014; Исакаў, 2020].

Западная Белоруссия²⁵ в административно-территориальном отношении разделялась на четыре воеводства – Белостокское, Полесское, Новогрудское и Виленское. Данные воеводства представляли собой весь северо-восток страны. В территориальном отношении это было 100 тыс. км², на которых в начале 30-х гг. проживало около 4 млн чел., 70 % из них были лица именно белорусской национальности, то есть автохтонным населением белорусских воеводств Второй Польской республики являлись белорусы [Rzepkowski, 2005; Вабищевич, 2011; Barwiński, 2015; Ablamski 2017]. К тому же надо отметить, что в межвоенное двадцатилетие польское руководство стремилось в официальных статистических отчетах существенно занижить количество национальных меньшинств для того, чтобы ликвидировать саму проблему национального вопроса [Гольдштейн, 1940; Шевченко, 2020].

С целью удержать четырехмиллионное население северо-восточных воеводств, военно-политическое руководство Ю. Пилсудского, пришедшее к власти в результате май-

²⁵ В польских источниках межвоенного периода данная территория именовалась Восточными землями или окраинами.

ского переворота 1926 г. [Матвеев, 2015], усилило полонизаторскую политику на Восточных землях [Матвеев, 2008; Дедурин, 2015]. Успешность такой политики у Варшавы виделась только в польской армии, которая в 1930-е гг. активно привлекалась для ликвидации культурно-национальной автономии непольских этносов.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются вооруженные силы Второй Польской республики, применяемые в 1930-е гг. центральным военно-политическим руководством в белорусских воеводствах в отношении местного населения с целью их социально-культурного порабощения. «Санационное» правительство страны возлагало на польскую армию в Восточных землях не только миссию защиты от «большевистской заразы», как характеризовался общественно-политический строй СССР в провластной польской печати, но и в качестве важнейшего механизма по успешному осуществлению ассимиляции непольских элементов.

В данной статье применяются принципы историзма и объективности, составляющими частями которых являются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы исследования. Использование данных принципов и методов исследования позволяет всестороннее рассмотреть роль польских вооруженных формирований в проведении политики полонизации в северо-восточных воеводствах.

Результаты и их обсуждение

«Санационное» правительство Ю. Пилсудского в 1930-е гг. активно разрабатывало военно-теоретические планы действий против СССР, согласно которым на территории Восточных земель располагались крупные военные силы в лице следующих формирований: пехотные дивизии, кавалерийские и моторизованные бригады, а также Корпус охраны пограничья (КОП). Базированием данных воинских контингентов являлись как географические пространства, например, болотистые местности Полесья, а также крупные городские центры – Вильно, Барановичи, Лида [Ламов, 1937; Grzybowski, 2013; Wojtaszak, 2020].

Военно-политическое руководство Польской республики в 30-е гг. активно прибегало к услугам профессиональных военных с целью окончательно ассимилировать представителей национальных меньшинств в белорусских воеводствах. Исполнителями данной политики полонизации на северо-востоке страны являлись польские администрации и командующие военными округами, что, в свою очередь, вызывало массовые недовольства местного населения, которое в предыдущее десятилетие не только ощутило на себе негативные последствия социально-экономической и культурно-духовной колонизации, но и активно прибегало к революционным, бунтарским методам протеста: в первой половине 20-х гг. на территории польских Восточных земель шла настоящая партизанская война крестьянской массы, которая стремилась к справедливому разрешению земельного вопроса в свою пользу [Токть, 2005].

Враждебное отношение белорусов к представителям польской власти было продемонстрировано и охарактеризовано в специальной записке старосты Пружанского повета, составленной в конце января 1930 г. и направленной к брестскому воеводе В. Костек-Бернацкому, который являлся сторонником фашистской идеологии и выступал за реализацию жестких методов наведения порядка в белорусских воеводствах при помощи солдат и полицейских. В данной записке пружанский староста, который был поляком по национальности, перечислял В. Костек-Бернацкому те причины, которые, по его мнению, способствовали не только превращению белорусов в пассивную и непросвещенную массу, но и приводил аргументы, говорившие о рождении у белорусских лиц чувства вражды ко всему тому, что несла в себе польская гегемония на их землях.

Так, пружанский староста указывал, что белорусские воеводства в результате военных действий 1914–1921 гг. находились в экономической отсталости и на последнем месте в стране по демографической ситуации. Такое тяжелое социально-экономическое положение усугубил Мировой экономической кризис, начавшийся в 1929 г. и давший о себе знать на территории Восточных окраин в 1930 г.²⁶ Также пружанский староста в своей записке подчеркивал, что к белорусским гражданам II Речи Посполитой польские помещики, интеллигенция и чиновники относятся как к антисоциальным элементам, которые не способны обладать своим культурно-историческими прошлым и будущим. Поэтому чиновники, учителя, полицейские и военные, как отмечал пружанский староста, «в начале существования Польского государства» только разжигали социальную и национальную ненависть белорусов к полякам, но не принимали никаких действий и мер по ассимилированию белорусского этнического меньшинства. Поэтому пружанский староста убеждал брестского воеводу В. Костек-Бернацкого в том, что местным властям и военно-полицейскому аппарату нужно неукоснительно следовать тем рекомендациям, которые исходят от «санационного» руководства Ю. Пилсудского, а это означало применение более жестких методов по избавлению белорусского элемента от революционных и бунтарских идей с помощью репрессий, осуществление которых должно падать на воинские формирования [Польша-Беларусь, 2012, с. 110].

О необходимости включения вооруженных сил польской армии в ассимиляционную политику указывалось на специальной конференции, которая проходила 24 апреля 1937 г. в Гродно под громким названием – «Активизация польского элемента в Северо-Западных землях Польской республики». Конференция была представлена как командующими военных округов, так и воеводами. Все участники конференции стояли на позициях ликвидации национального самосознания народов, которые проживали на территории Восточных земель, так как физическое присоединение Западной Белоруссии и Западной Украины в 1921 г. не несло в себе полного социально-политического и культурного господства польской нации. Для политических кругов Польской республики необходимо было окончательно искоренить, как они считали, чужеродные для государства национально-культурные элементы. И это могла осуществить, по большинству высказанного мнения, именно армия.

Так, бригадный генерал Ярнушкевич, служивший тогда на территории военного округа № 9, в своем выступлении на конференции подчеркнул, что именно офицеры вооруженных сил II Речи Посполитой успешно выполняют все задачи, связанные с проводимой на Востоке страны политикой колонизации, в то время как польские учителя и чиновники плохо справляются с этим [Польша – Беларусь, 2012, с. 158]. С данной точкой зрения согласился и полесский воевода де Траммекурт, который в своем докладе даже предложил идею создания специальных центров из бывших военнослужащих, солдат, ушедших после службы в резерв. Именно такие центры из резервистов должны были, по мнению полесского воеводы, открываться во всех населенных пунктах белорусских воеводств с целью привлечения крестьянской молодежи в вооруженные силы. Подобные центры смогли бы, по заявлениям де Траммерукта, привить новобранцам любовь к польской культуре с последующей ее передачей остальному населению [Польша – Беларусь, 2012, с. 159].

Следует также иметь в виду, что большинство населения белорусских воеводств по своему социальному составу было крестьянским, поэтому для успешной реализации колонизации использовался польский институт осадничества. Осадники представляли собой крупных землевладельцев, которые практически даром в Восточных воеводствах получа-

²⁶ К тому же надо иметь в виду, что экономическая политика польского правительства, проводившаяся в 20-е гг., не способствовала осуществлению индустриализации белорусских воеводств, а только усугубляла с каждым годом катастрофическое положение как сельского, так и городского населения путем превращения этих воеводств в сырьевой придаток Польской республики с последующей продажей сырья западноевропейским странам.

ли участки земли, размеры которых в среднем составляли 700 га, в то время как основная масса белорусских, украинских и русских крестьян страдала малоземельем или безземельем [Зимионко, 1932; Пичета, 1940; Гольдштейн, 1949; Василючек, 1977; Kirwiel, 2012].

Осадники по-своему происхождению являлись бывшими офицерами польской армии, которые проявили в 1914–1921 гг. свой героизм и умелое командование с целью возрождения II Речи Посполитой. И они были призваны играть роль катализатора в Восточных землях страны для утверждения там политического, экономического и национально-культурного господства польской нации. Это означало, что осадники обязаны были подчинить интересам Варшавы крестьянскую массу следующими тремя действиями: 1) не допустить приобретения крестьянами земельных участков; 2) заставить беднейших и безземельных крестьян работать на кабальных условиях; 3) контролировать настроения крестьянской массы. Верными их помощниками являлись профессиональные вооруженные формирования, которые при любом вызове совершали свои кровавые экспедиции против митингующих крестьян, стремившихся улучшить свое экономическое положение. И часто происходили случаи, когда во время таких экспедиций солдаты не только своим оружием избивали недовольных граждан, среди которых могли быть женщины и старики, но и в буквальном смысле грабили крестьянские избы и забирали абсолютно все имущество: скот, урожай, предметы обихода, вплоть до «последней тряпки» [Польша – Беларусь, 2012, с. 133, 136, 139–140].

Также польское руководство белорусских воеводств в 30-е гг. активно продолжало использовать вооруженные силы страны с целью недопущения реализации так называемого «Закона о языках», который был утвержден польским парламентом 31 июля 1924 г., согласно которому представителям национальных меньшинств разрешалось открывать свои школы, преподавание в которых велось бы на родном для них языке. Но все это возможно было достичь при одном условии: чтобы сами родители предоставляли властям соответствующие, специально составленные заявления. В этом и крылась пагубность реализации данного законопроекта, так как администрация всех уровней, представленная поляками в белорусских воеводствах, путем привлечения армии и полиции «отговаривала» репрессивными методами тех родителей, которые изъявляли желание подать подобные документы на открытие национальных школ для своих детей [Польша – Беларусь, 2012, с. 116–117]. И польскими чиновниками применялись не только словесные запугивания, но и физическое воздействие, в том числе массовые избиения и аресты.

Но все эти карательные методы по национальному угнетению белорусской нации во Второй Польской республике, осуществляемые с помощью армейских частей, шли в полный разрез с высшим законом страны – Конституцией. Об этом говорят и те документы, которые составлялись самими белорусами. Одно из таких открытых писем, написанное в 1930 г. жителями д. Подгурье Негневичской гмины Новогрудского повета, было адресовано премьер-министру страны В. Славеку, которому жители деревни прямо указывали, что они не чувствуют себя в безопасности, живут под угрозой «нагайки и тюрьмы вместо того, чтобы жить вольной жизнью, какой она, казалось бы, должна быть в конституционном и культурном государстве» [Польша – Беларусь, 2012, с. 118]. Но все подобные письменные просьбы, исходившие от белорусского этнического меньшинства, оставались без ответа по той причине, что «санационное» политическое руководство II Речи Посполитой в 30-е гг. не желало менять свой внутренний национальный курс.

Недовольства политикой колонизации в 30-е гг. исходили не только от местного населения и Советского Союза, который в лице III Интернационала в межвоенный период активно боролся против буржуазно-демократических и фашистских режимов, угнетающих рабочих и крестьян, но и встречались протесты и осуждения в форме дипломатических нот западноевропейских стран: например, со стороны Третьей Французской респуб-

лики, которая с первых месяцев существования II Речи Посполитой активно поддерживала польское руководство страны в ее военной агрессии на Восток ²⁷.

Так, дипломатический представитель Франции в Польской республике 16 февраля 1930 г. направил в Париж к своему руководству специальную докладную записку, в которой указывалось на то, что поляки и белорусы во Второй Польской республике не смогут жить в полном мире и согласии, если Варшава и дальше будет продолжать полонизировать белорусские воеводства с помощью военных штыков и полицейских дубинок. И если польское правительство не сменит курс на так называемую «либеральную политику», то представители белорусской нации и дальше будут стремиться к воссоединению с Москвой, потому что, как верно отмечал французский посол, белорусы и русские на протяжении многих веков обладали едиными культурно-историческими связями, в то время как поляки столетиями шли другим путем развития [Польша – Беларусь, 2012, с. 112–113].

Французское министерство иностранных дел и в дальнейшие годы получало из Варшавы подобные докладные записки о положении национальных меньшинств в Восточных воеводствах. Так, в марте 1931 г. французский посол прямо указывал своему министру, что культурно-национальное закабаление всех граждан страны, осуществляемое военной кликой Ю. Пилсудского, может привести к тому, что политическая верхушка рано или поздно потеряет значительную часть своей территории, например, Виленский край, так как на северо-востоке II Речи Посполитой были очень сильны прокоммунистические настроения и пропаганда, особенно, в молодежной среде, а также и у представителей интеллектуального труда, которых силой заставляли отказываться от своих национальных ценностей [Польша – Беларусь, 2012, с. 118–119].

Заключение

Таким образом, польские вооруженные силы в белорусских воеводствах являлись надежным средством по проведению политики полонизации, которая была направлена на ликвидацию национально-культурных ценностей и социально-экономического благополучия белорусов. Польские солдаты и офицеры выступали также главной силой по успокоению белорусского элемента в межвоенной Польше, особенно в тех случаях, когда в белорусских местечках возникали антиправительственные манифестации, забастовки, крупные волнения. Такие действия польской армии в межвоенной Польше именовались пацификацией, во время которой польские солдаты получали полное право задерживать и избивать всех причастных лиц к волнениям, независимо от того, какого возраста и пола были «нарушители спокойствия», то есть под приклад польского солдата попадали не только мужчины, но и женщины, старики, подростки. И акции пацификации сопровождались часто разрушениями жилищ и зданий тех, кто принимал участия в антиправительственных демонстрациях, вплоть до конфискации личного имущества таких лиц. Подобные действия польских солдат в белорусских воеводствах могли проходить целыми днями и охватывать огромные пространства. Это были настоящие карательные экспедиции вооруженных сил против всех граждан, которые словом или делом выступали против утверждения полонизации.

«Санационное» правительство Польской республики, с целью окончательного подавления любого свободомыслия, разрешало местной администрации, представленной в северо-восточных областях в лице воевод, а также командующим войсками военных округов использовать вооруженные силы в отношении всех жителей белорусских воеводств, которые были недовольны утверждением социально-политического и культурно-

²⁷ Следует отметить, что «санационное» руководство Ю. Пилсудского с 1926 г. резко поменяло свой внешнеполитический курс: в начале 30-х гг. II Речь Посполитая пошла на сближение с СССР, а уже с 1934 г. военно-политические круги страны сделали ставку на сотрудничество с нацистской Германией. Такая неопределенность внешней политики и привела Польскую республику к трагедии 1 сентября 1939 г.

духовного доминирования представителей польской нации. Поэтому закономерно, что осенью 1939 г. так называемые земли Западной Белоруссии и Западной Украины воссоединилась с СССР, так как жители этих областей к началу Второй мировой войны ощутили на себе последствия польских процессов полонизации и децентрализации.

Список литературы

- Акулин Е.В. 2017. Польский вопрос в 1918–1921 гг. В: *Аллея науки*, 3 (9): 166–169.
- Вабищевич А.Н. 2011. Этнокультурные взаимоотношения на западно-белорусских землях в 1921–1939 гг. В кн.: *Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления*. М., Институт славяноведения: 293–310.
- Василючек М.В. 1977. В семье единой (Воссоединение Зап. Белоруссии в братской семье народов). Минск, Вышэйшая школа, 112.
- Гольдштейн И.И. 1940. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. М., Соцэкгиз, 296.
- Дедурин Г.Г. 2015. Белорусский вектор в политике Юзефа Пилсудского. В кн.: *Белоруссия и Украина: история и культура*. М., Институт славяноведения РАН, 5: 300–318.
- Жеймо М. 2018. Геополитические условия формирования восточных границ Польши после окончания первой мировой войны. В: *Проблемы межрегиональных связей*, 13: 18–20.
- Зимионко А.Г. 1932. Оккупация и интервенция в Белоруссии. М., Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 46.
- Ісакаў С.А. 2020. Беларускія землі ў планах палітычных канцэпцый Ю. Пілсудскага і Р. Дмоўскага падчас польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.). В: *Весті БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*, 2 (104): 99–102.
- Кретинин С.В. 2014. «Польша для поляков»: политика полонизации и разномечивания в польской Республике в первой половине 1920-х годов. В: *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 1: 51–57.
- Ламов Л.М. 1937. Польша и ее армия. М., Гос. воен. изд., 134.
- Матвеев Г.Ф. 2008. Пилсудский. М., Молодая гвардия, 473.
- Матвеев Г.Ф. 2015. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше. В: *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика, 3 (26): 42–51.
- Пичета В.И. 1940. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., Соцэкгиз, 136.
- Польша – Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов. 2012. Сост. И.А. Валаханович, В.В. Данилович, А.Н. Вабищевич; ред. А.В. Волченко [и др.]. Минск, Белорусская наука, 442.
- Токть С.М. 2005. Динамика этнического самосознания крестьянского населения Западной Белоруссии в 1920–1930-х годах. В кн.: *Белоруссия и Украина: история и культура*. М., Наука: 285–304.
- Шевченко К.В. 2020. Положение белорусского национального меньшинства Второй Речи Посполитой в начале 1920-х годов в освещении западнобелорусской прессы. В: *Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. Материалы международной научной конференции, Новозыбков, 28 марта 2020 г. Брянск, ООО Издательство «Аверс»*: 194–202.
- Ablamski P. 2017. The Nationality Issue on the Peripheries of Central and Eastern Europe. The Case of Polesie in the Interwar Period. In: *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, vol. 52 no 2: 55–76.
- Barwiński M. 2015. Spisy powszechnie w Polsce w latach 1921–2011 – określanie czy kreowanie struktury narodowościowej? In: *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Geographica Socio-Oeconomica*, 21: 53–72.
- Grzybowski J. 2013. Belarussen in den polnischen Streitkräften in Friedenszeiten (1921–1939). In: *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 62 H. 2: 233–253.
- Jędrzejewska A. 2020. Polska wobec państw Europy Wschodniej w latach 1918–1945 (Україна – Білорусь – Estonia – Litwa – Łotwa). In: *Ład wschodnioeuropejski w polskiej myśli politycznej w XX wieku*, tom I: 43–57.

- Kirwiel E. 2012. Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne. In: *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku*, 10: 181–193.
- Rzepakowski A. 2005. Spisy ludności na ziemiach polskich w latach 1789–1939. In: *Przegląd Nauk Historycznych*: 101–125.
- Wojtaszak A. 2020. Wykorzystanie środowiska naturalnego w polskich planach przyszłej wojny w latach trzydziestych XX w. In: *Oblicza Wojny, Armia kontra natura*, 1: 245–273.

References

- Akulin E.V. 2017. Pol'skij vopros v 1918–1921 gg. [The Polish question in 1918–1921]. In: *Alleja nauki [Alley of Science]*, 3 (9): 166–169 (in Russian).
- Vabishhevich A.N. 2011. Jetnokul'turnye vzaimootnosheniya na zapadno-belorusskikh zemljah v 1921–1939 gg. [Ethnocultural relations in the Western Belarusian lands in 1921–1939]. In: *Jetnokul'turnaja identichnost' narodov Ukrainy, Belorussii i Pol'shi: Mehanizmy formirovanija i sposoby projavlenija [Ethno-cultural identity of the peoples of Ukraine, Belarus and Poland: Mechanisms of formation and ways of manifestation]*. M., Institut slavjanovedenija: 293–310 (in Russian).
- Vasiljuchek M.V. 1977. V sem'e edinoj (Vossoedinenie Zap. Belorussii v bratskoj sem'e narodov) [In a single family (Reunification of Western Belarus in a fraternal family of peoples)]. Minsk, Vyshhejsj. shkola, 112 (in Russian).
- Gol'dshtejn I.I. 1940. Agrarnye otnosheniya v byvshej Pol'she, Zapadnoj Ukraine i Zapadnoj Belorussii [Agrarian relations in former Poland, Western Ukraine and Western Belarus]. M., Socjkgiz, 296 (in Russian).
- Dedurin G.G. 2015. Belorusskij vektor v politike Juzefa Pilsudskogo [The Belarusian vector in the politics of Jozef Pilsudski]. In: *Belorussija i Ukraina: istorija i kul'tura [Belarus and Ukraine: history and culture]*. M., Institut slavjanovedenija RAN, 5: 300–318 (in Russian).
- Zhejmo M. 2018. Geopoliticheskie uslovija formirovanija vostochnyh granic Pol'shi posle okonchanija pervoj mirovoj vojny [Geopolitical conditions for the formation of the eastern borders of Poland after the end of the First World War]. In: *Problemy mezhregional'nyh svjazej [Problems of interregional relations]*, 13: 18–20 (in Russian).
- Zimionko A.G. 1932. Okkupacija i intervencija v Belorussii [Occupation and intervention in Belarus]. M., Izd-vo Vsesojuz. o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, 46 (in Russian).
- Isakaŭ S.A. 2020. Belaruskija zemli ŭ planah palitychnyh kancjepyj Ju. Pilsudskaga i R. Dmoŭskaga padčas pol'ska-saveckaj vajny (1919–1921 gg.) [Belarusian lands in the plans of the political concepts of Yu. Pilsudski and R. Dmowski during the Polish-Soviet war (1919–1921)]. In: *Vesci BDPU. Seryja 2. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekonomika. Kul'turalogija [Lead the BDPU. Series 2. History. Philosophy. Political science. Sociology. Economic. Cultural studies]*, 2 (104): 99–102 (in Belarussian).
- Kretinin S.V. 2014. «Pol'sha dlja poljakov»: politika polonizacii i raznemechivaniya v pol'skoj Respublike v pervoj polovine 1920-h godov [«Poland for the Poles»: the policy of Polonization and denationalization in the Polish Republic in the first half of the 1920s.]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]*, 1: 51–57 (in Russian).
- Lamov L.M. 1937. Pol'sha i ee armija [Poland and its army]. M., Gos. voen. izd., 134 (in Russian).
- Matveev G.F. 2008. Pilsudskij [Pilsudski]. M., Molodaja gvardija, 473 (in Russian).
- Matveev G.F. 2015. K voprosu o tipologii rezhima «sanacii» v Pol'she [On the question of the typology of the «sanation» regime in Poland]. In: *Bereginya. 777. Sova: Obshhestvo. Politika. Jekonomika [Bereginya. 777. Owl: Society Politics. Economics]*, 3 (26): 42–51 (in Russian).
- Picheta V.I. 1940. Osnovnye momenty istoricheskogo razvitija Zapadnoj Ukrainy i Zapadnoj Belorussii [The main points of the historical development of Western Ukraine and Western Belarus]. M., Socjkgiz, 136 (in Russian).
- Pol'sha – Belarus' (1921–1953): sbornik dokumentov i materialov [Poland-Belarus (1921–1953): collection of documents and materials]. 2012. Sost. I.A. Valahanovich, V.V. Danilovich, A.N. Vabishhevich; red. A.V. Volchenko i dr.]. Minsk, Belorusskaja nauka, 442 (in Russian).

- Tokt' S.M. 2005. Dinamika jetnicheskogo samosoznaniya krest'janskogo naselenija Zapadnoj Belorussii v 1920–1930-h godah [Dynamics of Ethnic Self-Consciousness of the Peasant Population of Western Belarus in the 1920s–1930s.]. In: Belorussija i Ukraina: istorija i kul'tura [Belarus and Ukraine: history and culture]. M., Nauka: 285–304 (in Russian).
- Shevchenko K.V. 2020. Polozhenie belorusskogo nacional'nogo men'shinstva Vtoroj Rechi Pospolitoj v nachale 1920-h godov v osveshhenii zapadnobelorusskoj pressy [The situation of the Belarusian national minority of the Second Rzeczpospolita in the early 1920s in the coverage of the Western Belarusian press]. In: Rossija i slavjanskie narody v XIX–XXI vv. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Novozybkov, 28 marta 2020 g. [Russia and the Slavic peoples in the XIX–XXI centuries. Proceedings of the international scientific conference, Novozybkov, March 28, 2020]. Brjansk, OOO Izdatel'stvo «Avers»: 194–202 (in Russian).
- Ablamski P. 2017. The Nationality Issue on the Peripheries of Central and Eastern Europe. The Case of Polesie in the Interwar Period. In: Studies in the History of Russia and Central and Eastern Europe, vol. 52 no 2: 55–76.
- Barwinsky M. 2015. Censuses in Poland in 1921–2011 – determining or creating a national structure? In: Journal of the University of Lodz Socio-Economic Geographical Leaves, 21: 53–72.
- Grzybowski J. 2013. Belarusians in the Polish Armed Forces in peacetime (1921–1939). In: Journal for East Central European Research, 62 H. 2: 233–253.
- Endzheevskaya A. 2020. Poland towards the countries of Eastern Europe in the years 1918–1945 (Ukraine – Belarus – Estonia – Lithuania – Latvia). In: The East European order in Polish political thought in the XX century, volume I: 43–57.
- Kirvil E. 2012. Economy of the North-Eastern Borderlands of the Second Polish Republic, conditions for development, economic reforms. In: Studies in the Socio-Economic History of the XIX and XX centuries, 10: 181–193.
- Rzepakowski A. 2005. Censuses of population in the Polish lands in the years 1789–1939. In: Historical Sciences Review: 101–125.
- Wojtashak A. 2020. The use of the natural environment in Polish plans for a future war in the thirties of the XX century. In: Faces of war, army against nature, 1: 245–273.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.09.2022

Received 19.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Revised 10.10.2022

Принята к публикации 10.10.2022

Accepted 10.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихонович Олег Владимирович, аспирант кафедры истории и философии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Oleg V. Tikhonovich, Postgraduate Student, Department of History and Philosophy, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia

 [ORCID: 0000-0003-1842-2482](https://orcid.org/0000-0003-1842-2482)